

Татьяна Раутиан

Рассказы бабушки Тани

Книга первая

Татьяна Глебовна Раутиан
Рассказы бабушки Тани.
Книга первая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53659823
ISBN 9785449858269*

Аннотация

Первая книга из серии «Рассказы бабушки Тани» – это воспоминания о довоенном детстве в Ленинграде, о семье и прочитанных книжках, о путешествиях к морю и знакомстве с миром науки... Автор этой книги Татьяна Раутиан – сейсмолог, кандидат физико-математических наук, спортсменка, фотограф, бабушка восьми внуков, редактор сайта «Семейная мозаика». В оформлении использованы рисунки автора.

Содержание

Твои потомки и предки	6
Жить интересно	8
Питер	8
Пирита	10
На Девятую Советскую	12
Домашние песни	14
Песни в детском саду	16
Самодельные игрушки	18
Трамваи и конки	20
Зима	23
Лошади	27
Между поездами	30
Рассказы и опыты	33
Какая это буква?	36
Читать интересно	40
Пятидневки	44
Рикша	46
Хитолово	48
Школа	50
Метро	51
Пожар на Девятой Советской	53
Древние греки	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Рассказы бабушки Тани

Книга первая

Татьяна Глебовна Раутиан

Редактор Мая Халтурина

Корректор Елена Пылаева

© Татьяна Глебовна Раутиан, 2020

ISBN 978-5-4498-5826-9 (кн. 1)

ISBN 978-5-4498-5827-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Таня Раутиан с бабушкой Марией Александровной.
1938 год*

Твои потомки и предки (вместо предисловия)

Ты знаешь, кто такие *потомки*? Это те, кто будет жить *потом*, после тебя. Когда ты вырастешь, у тебя будут свои дети – да, да! – а потом у них появятся дети, и это будут твои внуки. Твои внуки? Это очень смешно, но так и будет когда-нибудь, очень-очень нескоро. Вот они и будут твоими потомками. Сколько их будет? Как их будут звать? Никто не знает. Это пока тайна.

А знаешь, кто такие твои *предки*? Конечно, знаешь. Это те люди, которые родились и жили давно, *перед* тобой, до тебя. Это твои мама и папа, твои бабушки и дедушки. А у них были свои папы и мамы. Это бабушкины и дедушкины родители, то есть твои прабабушки и прадедушки. А их родители были кто? Правильно, это твои пра-пра-бабушки и пра-пра-дедушки.

Самое интересное, что их было много. И даже очень много! Например, мама у тебя одна, а бабушек две – папина мама и мамина мама. А прабабушек – четыре! И прадедушек тоже четыре. А пра-пра-бабушек – восемь! Пра-пра-пра-бабушек – 16. Ну и так далее. Если ты уже хорошо умеешь умножать на два, то сам сосчитаешь, сколько у тебя было пра-пра-пра-пра-пра-пра-бабушек. 128!

Когда-то очень давно на свет родилось 128 девочек и 128 мальчиков. Они выросли, поженились, у них появились дети, и внуки, и правнуки, и пра-пра-пра... Если поселить в каждой квартире по одной пра-пра-пра-пра-пра-пра-бабулечке с пра-пра-пра-пра-пра-пра-дедулечкой – то даже в 16-этажном доме им не хватило бы квартир на одной лестнице, пришлось бы в другой подъезд поселять! Но тогда и домов-то таких не было.

Где на самом деле жила вся эта огромная толпа твоих «пра-пра-пра-пра» лет двести назад? Конечно, не в одном доме. Вероятно, в разных городах, или деревнях, или даже в разных странах. Они и не знали, что когда-нибудь все-все они будут твоими «пра-пра-пра-пра»... Кое про кого из них мы кое-что знаем.

Например, прабабушка Таня родилась не очень давно, даже меньше ста лет назад. И она помнит своих родителей (которые уже твои «пра-пра») и, конечно, свою бабушку, которая для тебя уже кто? Пра-пра-пра-бабушка. А она сохранила фотографии своих родителей, твоих «пра-пра-пра-пра»...

Как ты уже догадываешься, эту книжку написала твоя прабабушка Таня. И сама нарисовала картинки. Ты прочитаешь тут ее рассказы о детстве, о братьях, сестрах и родителях, о путешествии на море, поездках на «колбасе» и полетах с печки и о многом другом. Итак, однажды, в 1926 году...

Жить интересно (1927—1936, Ленинград)

Питер

Я родилась в Питере. И вся наша семья там жила.

Питер – удивительный город! Сколько ни ищи на карте – не найдешь. Как это может быть? Очень просто. На самом деле он не Питер, а Санкт-Петербург. Так и написано на карте. Построил его царь Петр. Не сам, конечно, строил. Но он сам решил создать новую столицу вместо Москвы, сам выбрал это место, чтобы там было море и приплывали корабли. Сам командовал – что, где и как строить. Но название получилось какое-то слишком длинное. Его неудобно произносить. Снкт-Птр... Язык сломаешь! Поэтому жители Санкт-Петербурга стали звать его просто Питер.

Потом город переименовали. Была такая мода – все переименовывать. И назвали его Ленинград. Хотя Ленин ничего в этом городе не построил. И даже наоборот – перенес столицу обратно в Москву. Потом Ленинград снова переименовали в Санкт-Петербург. Но как бы там ни называли, как бы его ни переназывали, а жители всегда звали его просто Питер. Питер – и все.

С человеческими именами тоже так бывает. Например, Александр. Красивое имя, но тоже – язык сломаешь. Поэтому Александров зовут Саша. Или Шура. Или Алик. Или еще как-нибудь.

Пирита

Когда мне был всего один год, я поехала в гости к своим бабушке и дедушке. Не сама, конечно, поехала, а вместе с папой. Бабушка Лиза и дедушка Ваня жили в Эстонии, в деревне, которая называлась по-эстонски Пирита, а по-русски Бригитовка. Их дом был прямо у самого синего моря.

Папа Глеб Николаевич пожил в Пирите, покупался в море, покатался на лодке, пожарился на солнышке – а потом уехал обратно в Питер. А я осталась. А когда снова настало лето, папа приехал. Провел со мной лето и вернулся домой, в Питер. И меня забрал с собой. Следующее лето я опять провела у бабушки и дедушки. И домой уже сама поехала! Я этого не помню, конечно, это мне тетя Таня рассказала, папина сестра, когда я была уже большая. Вот как это было.

До станции Нарва я ехала на поезде с дедушкой. Там Эстония закончилась, и дедушка вышел! И дальше я поехала уже совсем одна. Я не знала, долго ли ехать совсем одной. Но вот поезд переехал через речку и сразу остановился! Станция Иван-город! В вагон вошел папа! И дальше в Питер мы поехали уже вместе.

Папа и мама думали, что каждое лето я буду проводить на море, у бабушки Лизы и дедушки Вани. Но вдруг больше никого не стали пускать ни из Питера в Эстонию, ни из Эстонии в Питер. Мало ли что там бабушка с дедушкой! Нель-

зя, и все. И я больше никогда-никогда не видела своего де-
душку Ивана Ивановича.

На Девятую Советскую

Город Питер стоит на реке Неве, там, где она впадает в море. В Неве очень много воды, она там не помещается. Поэтому из Невы вытекли другие реки и речки, поменьше. Большая Невка, Малая Невка, Фонтанка, Мойка, Пряжка, Черная речка и еще много маленьких рек. И получилось так, что части города оказываются между какими-нибудь реками. Как бы на островах. Один большой остров называется Васильевский.

Когда я была совсем-совсем маленькой, мы жили на Васильевском острове, на первом этаже. Там можно было прямо из окна вылезти во двор. Я была слишком маленькая, чтобы так лазать. А моя мама Лидия Ивановна была уже взрослая. А взрослые никогда не вылезают через окно – они ходят через дверь.

А потом мы переехали к бабушке Марии Александровне. Бабушек бывает две. Бабушка Лиза, Лизавета Васильевна, которая в Пирите, – это мамина мама. А бабушка Мария Александровна, которая в Питере, – это папина мама. Она жила не у синего моря – а на улице Девятой Советской, на четвертом этаже. И мы переехали с Васильевского острова к бабушке Марии Александровне.

Папа взял меня на руки и пошел по лестнице на четвертый этаж. Вдруг во дворе раздался какой-то страшный вопль,

не то человеческий, не то звериный. Я немножко испугалась, ведь я была совсем маленькая. Прижалась к папе и шепотом спросила его: «Кто это?» – «Не бойся, девочка, это коты поют свои кошачьи песни».

Вот тут, в бабушкиной квартире, мы и стали жить. И детей становилось все больше. После меня родился Юра, потом – Сережа, потом – Алена, потом – Ксана, потом Кира. А потом Млада и Володя.

Домашние песни

Дома был большой рояль. Когда папа Глеб Николаевич был на работе, мы залезали под рояль и играли, как будто это наш дом. А папа умел на нем играть музыку! В выходные дни он иногда играл и пел песни.

Некоторые песни он сам сочинил. Например, вот эту, нашу любимую:

«Дождались мы светлого мая,
Цветы и деревья цветут,
А по небу синему, тая,
Румяные тучки плывут».

Вместе с папой мы пели и эту, и еще одну песню, про поход:

«Шмель гудит, толпятся мошки,
Реют птичьи голоса,
А мы шагаем по дорожке
Через горы и леса.

Возле речки недалечко
Изумрудная трава.
Эй, ребятки, ставь палатки
И скорее по дрова.

Выньте ложки для картошки
И садитесь кто куда.
Пахнет ветром, пахнет дымом
Эта вкусная еда».

Бабушка Мария Александровна рассказывала нам старинные детские стихи. Например, про лягушку:

«Вот лягушка по дорожке
Скачет вытянувши ножки.

Ква-ква-а, ква-ква-а,
Скачет вытянувши ножки...»

Песни в детском саду

Это были другие песни, не такие, как папины песни, и не такие, как бабушкины стихи:

«Заводы, вставайте,
Шеренги смыкайте,
На битву шагайте,
Шагайте, шагайте!»

Они назывались «революционные». А еще вот такую песню, тоже революционную, мы пели:

«Смело мы в бой пойдем
За власть Советов.
И как один умрррем
В борьбе за это».

А потом вот эту, которую я уже почти забыла:

«Мы красные кавалеристы, и про нас
Былинники речистые ведут рассказ...»

И еще:

«По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,

Чтобы с боем взять Приморье,
Белой армии оплот».

И даже вот такую:

«Возьмем винтовки новые,
На штык – флажки
И с песнею в стрелковые
Пойдем кружки».

А еще мы были «членами МОПРа». Каждый месяц приносили в детский сад 25 копеек. За это нам дали маленькие игрушечные книжечки. Там было нарисовано окно за решеткой. Из него выглядывал человечек и махал нам платком. Папа сказал, что МОПР – это Международное общество помощи революционерам. И человечки, которые нам машут платком, называются *революционеры*.

Самодельные игрушки

Тогда в магазинах еще не было никаких игрушек. Папы и мамы сами делали. Какие? Это были простые, но *интересные* игрушки. Ведь наши папы и мамы работали в институте. А институт – это такая работа, где что-нибудь новое придумывают. Мама и папа это умели. Например, наш папа вырезал из сосновой коры игрушечную лодочку. Маленькая, она даже на ладошке помещалась. И пустил ее в ванну с водой. Лодочка лежала спокойно на воде и никуда не плыла. Тогда папа вырезал на корме лодочки маленькую щелочку. Отщипнул немножко мыла и туда засунул. И опять пустил лодочку в ванну. И она стала быстро-быстро плавать, как моторка! И носилась там в ванне, пока все мыло не кончилось. Это была наша любимая домашняя игрушка.

А в детском саду папа сделал волшебный волчок. На него можно положить две бумажки разного цвета и привинтить сверху винтиком-колпачком, чтобы они держались. И раскрутить. И тогда волчок делается одного цвета! Например, если бумажки были синяя и желтая, то волчок становится одного цвета, но не желтого и не синего, а зеленого! Но только пока вертится. А когда остановится – опять делается двух разных цветов.

Там было другое волшебное чудо. Это – гипс. Белый порошок. Если в него добавить воды и размешать, получает-

ся что-то вроде жидкой манной каши. Потом эта каша превращается в твердый белый камень! Эту кашу, пока она еще жидкая, надо успеть положить в формочку. И когда затвердеет, получается фигурка. Это было удивительно: из сыпучего порошка и жидкой воды получался твердый камень! И не просто камень – а игрушки, какие ты сам хочешь. У нас были формочки для разных фигур: человечков, лошадей и других животных. С этими гипсовыми фигурками можно было играть. Например, в зоопарк. Или в Маугли. Или в Колобка.

Если нам надоели эти фигурки и захотелось сделать другие, а больше гипсового порошка нет – что тогда? А вот что: твердые фигурки надо положить на горячую сковородку. Они нагреваются и снова превращаются в порошок! И можно снова подлить воды, и снова сделать кашу, и снова слепить фигурки. Чудесный порошок!

Трамваи и конки

Наш детский сад был в том институте, где работали папа и мама. И назывался он «детский очаг». Хотя никакого очага там не было. Мы ездили в очаг вместе с мамой и папой. На трамвае. Трамваи появились в Питере очень давно, больше ста лет назад. А до того были не трамваи, а конки. Вагон конки был похож на трамвайный, он тоже ездил по рельсам. Но его везли кони. Да-да, кони. Обыкновенные кони. Поэтому такие вагоны назывались «конки».

А когда мы с папой и мамой ездили в институт и в детский очаг, конок уже не было. Были трамваи. Наш трамвай был номер пятый. Сперва он шел по улице Бассейной, где жил кто? Правильно, «человек рассеянный». Потом мимо цирка, мимо Русского музея, потом по Невскому, через речку Мойку, мимо Зимнего дворца, потом через Неву. В трамвае у двери была метка. Кто ниже метки, тот ехал бесплатно, кто выше – покупал билетик.

Мы очень хотели скорее вырасти, чтобы покупать билет, как большие, и поэтому измерялись каждый день. Мы незаметно росли и в один прекрасный день становились выше метки.

Трамваи были совсем не такие, как сейчас. Впереди у трамваев были цветные огни, у каждого номера – свои. Чтобы вечером было издалека видно, какой номер приближается. Не было дверей, которые сами плотно закрываются. Вход был открыт совсем. Никакой двери не было. Некоторые вскакивали на ходу или на ходу выпрыгивали. Справа можно входить. Слева была железная загородка, как на балконе. Около нее можно было стоять и высовываться, чтоб ветерком обдувало. А если вагон битком набит – можно было стоять на подножке, хоть справа, хоть слева. И держаться за поручни.

Входить надо было обязательно в заднюю дверь, а выходить – в переднюю. Такое строгое было правило. Потому что во всех трамваях были кондукторы. Они сидели около задней двери и продавали билетки. Рулоны билетиков висели у них на груди рядом с большой толстой сумкой на ремне, куда они складывали деньги.

Кондуктор все время призывал пассажиров проходить вперед, чтобы другие могли войти и поместиться. Была шуточная песня:

«Трамвай ползет как черепаха,
Вожатый спит как бегемот,
Кондуктор лает как собака:
«Пройдите, граждане, вперед».

Сзади из-под вагона торчала «колбаса», круглая железная штука, вроде трубы. Плохие мальчишки ездили на такой «колбасе» без билетов.

Зима

Зимой на трамвайной площадке не очень-то поездишь – мороз, да еще и морозный ветерок! Зато в вагоне интересно играть со льдом. Ведь оконные стекла в трамвае замерзают. Иногда на них нарастает толстый слой инея. Папа сказал – это потому, что в трамвае много народу. Все дышат, и пар от дыхания садится на холодные окна. Если приложить к замерзшему окну пяточок и прижимать его теплым пальцем, то на льду отпечатывается рисунок пяточка, особенно если пяточок новый, не стертый.

Наше главное занятие – продышать или проскочить лед, а то ничего не видно. Того и гляди свою остановку проедешь. Или выйдешь раньше, чем надо. Ведь кондуктор иногда забывает объявлять остановки. Маленькие отдушины очень быстро снова покрываются инеем – надо работать всю дорогу.

А дома толстого инея не бывает. Ведь дома не бывает такого множества народу. Пара мало. И оконные рамы – двойные, так что пар не очень-то проникает между рамами. Но все же проникает. И на наружном стекле вырастают красивые узоры. Ледяные, похожие на сказочный папоротниковый лес. Но потрогать эти рисунки невозможно – они ведь между стеклами!

Папа сказал, что снежинки – это маленькие ледышки.

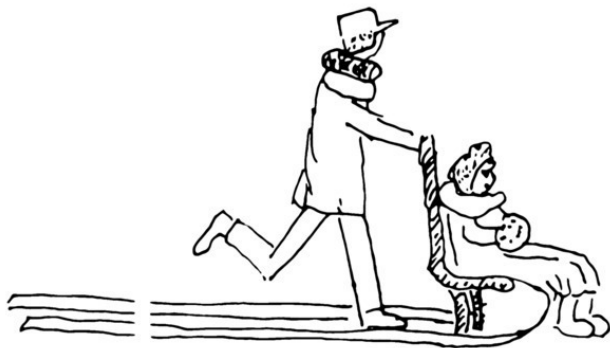
Если на них поглядеть через лупу, видно, что они похожи на шестиконечные звездочки. Но если принести их домой, чтоб рассмотреть как следует, то они сразу тают. Так что приходится, наоборот, лупу вытаскивать на улицу и там, на морозе, рассматривать снежинки.

Когда мы выросли и ходили уже не в детский сад, а в школу, там было замечательное зимнее правило. Если мороз больше 25 градусов, то детям можно в школу не ходить. А то простудятся. Мы очень любили это правило. Утром бежали посмотреть на градусник. Если он показывал 26 или больше (мороза, конечно!), то мы в школу не шли, а шли кататься на коньках, или на лыжах, или на санках. Здорово! Ведь когда катаешься и бегаешь, то ничуть не мерзнешь и даже становится жарко. Но это был наш детский секрет, и мы про это учительнице не говорили.

Таврический пруд зимой замерзает, и на нем устраивают каток. Выдают всем желающим напрокат коньки или финские сани. Финские сани – это что-то вроде стула, к которому снизу приделаны длинные-длинные полозья, но не плоские, как у санок, а с острым ребром, как у коньков. На финских санях обычно катались барышни с кавалерами. Барышня, вся закутанная и с муфтой, сидит на стуле, а кавалер стоит сзади. Он держится за спинку стула и одной ногой отталкивается, как на самокате. И катится сам очень быстро. И катает свою барышню.

Залив тоже замерзал и становился ледяным и гладким.

И тогда финны ездили (или бегали?) по заливу на своих финских санях. Не просто чтоб покататься, а когда нужно было поехать куда-то далеко. В магазин, например, или еще куда-то по своим взрослым делам. На финских санях это быстро, так что и трамваев не нужно!

У нас финских саней не было. Мы зимой ходили в Таврический сад кататься на лыжах и обычных санках. Катали друг дружку и катались с берега пруда на лед. Берег был высокий-высокий, как потолок у нас дома, и очень крутой. Один раз Сережа скатился с горки, лежа на санках. Его там потрянуло на каком-то бугре. И он стукнулся подбородком об железный крюк, за который к санкам привязывают веревку. Ранка была очень глубокая, и доктор наложил ему *швы*. Это были металлические скобки, вроде тех, какими бумаги

сшивают. И Серега гордо всем показывал свой подбородок. Потом все зажило, и доктор снял эти скобки. Но шрам остался. И теперь Сережа всем гордо показывал свой шрам. Ни у кого из нас не было шрама, только у Сереги!

Зимой не только пруд замерзал, но даже и Нева. Лед был очень крепкий и толстый. Все любили переходить Неву по льду, а не ехать по мосту. Мы ехали с папой и мамой, они – в институт, а мы – в детский сад. Мы выходили из трамвая у Зимнего дворца, спускались на лед около «львов сторожевых» и шли через Неву по тропочке. Конечно, если не опаздывали. На Неве было полно лыжников, которые носились от моста до моста и обратно.

Лошади

В городе было много лошадей. Потому что мало еще было автомобилей. Зимой по дороге в детский сад мы видели на Неве, прямо на льду, большие сани, запряженные лошадьми. Рядом с ними люди, они большими пилами выпиливают огромные куски льда и складывают на сани. Зачем? Для *ледников*. Ведь тогда обыкновенных холодильников не было. Их еще не придумали. Молоко и всякие другие продукты хранились зимой – между рамами, а летом – в ледниках. На Неве выпиливали глыбы льда и привозили их в ледники. Главные ледники, для магазинов, устраивали в больших ямах. Глыбы льда привозили и складывали в эти ямы, а сверху насыпали соломы. И там хранили все как в хо-

лодильнике. У нас дома такой шкаф-ледник был на лестничной площадке. Мы покупали лед и складывали в этом шкафу. Там было холодно почти все лето.

Тяжелые грузы возили особые лошади, их называли «ломовики». Могучие! Спина широкая, как стол, ноги мохнатые. Их запрягали в большие телеги с автомобильными колесами. Иногда они привозили что-нибудь в магазин в нашем доме. Тогда мы с Юрой и Сережей выбегали и угощали лошадь хлебом с солью. Это для нее как торт. Летом мы приносили арбузные корки.

Еду надо давать лошади с ладони. Она берет хлеб бархатными своими губами, очень-очень осторожно. А если хлеб давать в пальцах, то она может нечаянно укусить. Ей

ведь не видно твоих пальцев, у нее глаза видят только вбок, а не вперед. Папа объяснил – почему. Когда лошадь пасется, ест траву, голова у нее опущена вниз. Впереди – только трава. На нее нечего смотреть. Вот она, перед носом. А в это время могут появиться, например, волки. Они ведь не из-под земли появляются, а прибегают сбоку или сзади. Вот поэтому у лошадей глаза смотрят вбок. Чтобы заметить волков, если они подкрадываются. И вовремя удрать. Такие же глаза у коров, у оленей и всех животных, которые едят траву.

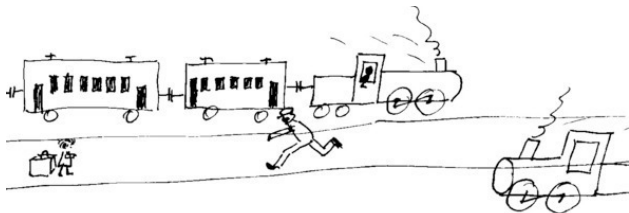
Вместо такси пассажиров возили красивые стройные кони. Они назывались «рысаки». Потому что они умели бегать только рысью. Но не умели скакать. И хорошо, что не умели – а то ведь они могли бы задними ногами так стукнуть своего кучера, что ой-ой-ой! Он ведь сидел впереди, на облучке. А седоки – на заднем сиденье. Такси тогда еще не было. Но в городе был один автомобиль, про который говорили, что это – «линкольн». Очень редко удавалось его увидеть. Иногда он подавал сигналы, чтоб люди не попадали ему под колеса. У него снаружи у окна была груша резиновая. Шофер высовывал руку из окна и сжимал грушу в кулаке. И тогда эта линкольная груша громко говорила:

– А-ыы-а!

Между поездами

Однажды папа Глеб Николаевич поехал за город искать дачу, где бы пожить летом. На поезде поехал. И меня взял с собой. Вышли на станции. Папа сказал: «Подожди меня тут». А сам пошел искать подводу, чтобы она подвезла нас в деревню. И тут поезд, на котором мы приехали, тронулся. И поехал все быстрее и быстрее. И появился другой поезд, который не собирался тут останавливаться, а мчался полным ходом, но в другую сторону. Я скоро окажусь между двумя поездами! И они мчатся в разные стороны! Ой как интересно!

Начальник станции в красной фуражке увидел маленькую девочку между двумя путями. И начальник испугался, что девочка может испугаться. И завизжит. И побежит к папе. И попадет под поезд. Еще начальник испугался, что не успеет к этой девочке добежать и ее успокоить! Чтобы она не боялась. И поэтому он не просто бежал – а в ужасе мчался изо всей силы. И кричал тоже изо всей силы, чтобы ее успокоить: – Сто-о-ой! Ни с ме-е-е-ста-а-а-а!

А я и так стояла – ни с места – и не собиралась никуда бежать. Зачем мне бежать? Ведь там поезд!

Тут скорый примчался. И поезда подняли сильный ветер! И в воздух взлетели листья и разные бумажки! Ветер метался между двумя поездами, не зная, куда же ему дуть. И колеса стучали:

– Та-та! Та-та! Та-та! Та-та!

И земля дрожала, как при землетрясении! Оба поезда страшно гррррохотали! Ведь звук этого грохота не мог разлететься во все стороны, а застрял тут, между поездами. И мы с начальником оказались прямо в середине этого грохота! Здорово! Но вот поезда разбежались, каждый в свою сторону. Тут и папа прибежал, тоже испуганный. И пришлось мне их обоих успокаивать.

Мне очень понравилось стоять между двумя поездами, в самой середине этого замечательного гррррохота. Жалко, что это так быстро кончилось...

Мы жили в Питере, и там поездов не было. Зато были трамваи. Иногда мне удавалось постоять между трамваями,

которые идут в разные стороны. Там было даже страшнее, потому что между трамвайными линиями не было платформы. Эти линии проходят очень близко друг к другу. Я помнила, что взрослые – боятся. И поэтому никому не говорила. Даже Юре-Сереже. Это была моя *тайна*.

Рассказы и опыты

Папа любил устраивать для нас всякие опыты. Зимой наш любимый опыт был про *расширение льда*. Мы наливали в бутылку воды и вешивали ее в форточку на мороз. Вечером повесим, а утром смотрим – бутылка лопнула!

Оказывается, когда вода замерзает – она расширяется. Нам хотелось увидеть, как бутылка лопается. Но не удалось. Она всегда лопалась ночью, когда все спят.

– Вот поэтому, – сказал папа, – река и замерзает только сверху: лед легче воды и остается наверху. А представляешь, если бы лед, как только замерзнет, опускался бы на дно? Тогда сверху намерзал бы новый лед, и опять тонул. И тогда вся река промерзнет насквозь. Тогда рыбы не могли бы жить в реке – они бы за зиму все вмерзли в лед!

Прекрасная вещь – зима! Жалко людей, которые живут в теплых странах. Там совсем нет зимы. Они никогда не видели прекрасных ледяных узоров на стеклах, никогда не ходили через реку по льду, никогда не играли в снежки, не лепили снежных баб...

Другой интересный папин рассказ был про *шкалу твердости*. Что это такое?

– Возьмем какие-нибудь две разные вещи. Например, камень гранит и другой камень, мел. Как узнать, который тверже? Оказывается, надо поцарапать одним другой. Более

твердый может оцарапать более мягкий. Вот попробуй, что тверже, гранит или мел? Правильно, гранит легко сделал царапину на куске мела. А мел не смог оцарапать гранит. Значит, гранит – тверже. Возьмем еще что-нибудь. Например, вилку железную. И пусть железо попробует оцарапать эти два камня. Что получилось? Вилка легко нарисовала царапину на куске мела. А на граните? Не получилось. Значит, железо тверже мела, но мягче гранита. Можно все вещества вот так расположить в ряд. В этом ряду каждое вещество может оцарапать более мягкого соседа, а более твердого – не может. Это и называется «шкала твердости». На этой шкале самое твердое – это алмаз. Он что угодно может царапать, а его ничем нельзя, только таким же алмазом.

Мы спрашиваем:

– Ну и зачем она, эта шкала?

Папа объяснил:

– Конечно, она нужна в технике, а ты еще не техник. Но и в домашнем хозяйстве это надо знать. Понятно ведь, что песок – это маленькие камешки. И каждая песчинка тверже, чем железо. И значит, если чистить железную кастрюльку песком, обыкновенным песком, то что будет, а? Правильно! Песок исцарапает кастрюлю, и потом ее уже никогда – никогда! – не сделать снова гладкой, блестящей и красивой.

– А если не песком, а содой?

– Вот содой можно. Она отмывает, но не царапает!

А еще папа рассказал про *кино*. Когда мы смотрим кино, то мы видим, что там все плавно двигается. А на самом деле кино – это много картинок, *кадров*, и в них ничего не движется. Но каждая картинка немножко отличается от соседней. А когда эти картинки быстро меняются, то нам кажется, что все движется.

Не веришь? А вот мы с Юрой-Сережей сами сделали такое кино. Надо взять маленький чистый блокнотик. На каждой страничке в уголочке можно что-то нарисовать – например, человечка, или собаку, или что-нибудь еще. И на каждом рисунке у человечка ноги нарисовать немножко иначе, как будто он идет. Или бежит.

И тогда, если согнуть блокнотик и отпускать странички так, чтобы они сами быстро перелистывались, то получается, что человечек бежит! Мы стали рисовать картинки с человечками, с собаками, с машинками. Получились настоящие мультики!

Это было очень давно...

Теперь можно делать мультики на компьютере. Но ведь и на компьютере кино – это много разных картинок. Каждая из них – неподвижная. И каждая немного отличается от соседних: от той, которая была *до*, и той, которая будет *после*. А когда они быстро сменяют одна другую – нам кажется, что это одна картинка, в которой все двигается.

Какая это буква?

Мама часто работала дома в выходные дни. Тогда можно было к ней приставать с вопросами:

– А что это тут написано?

– А какая это буква?

И наконец маме это надоело:

– Ты же видишь – я работаю. Мне некогда. Подожди немножко, пойдешь в школу, там тебя научат.

– А можно я завтра пойду в школу?

– В школу идут в восемь лет. А тебе еще только четыре.

– А можно мне скоро будет восемь?

– Нет, это будет через четыре года.

– Ой, четы-ы-ыре го-ода...

Я еще не очень хорошо знала, сколько это – четыре года...

А мама подумала и купила на всякий случай азбуку. Картонную, разрезную. И положила ее на комод. Она никак не могла решить – стоит ли такую маленькую девочку учить читать.

А я эту азбуку нашла. И стала снова приставать к маме:

– Что это?

– Это какая буква?

– А вот эта – какая?

И мама сказала:

– Нет, давай все-таки подождем...

– Нет, нет! Я хочу сейчас! Сейчас!

Тогда мама сказала:

– Но мне сейчас некогда. Если так уж хочешь – учись сама.

– А как?

– Вот видишь, тут нарисованы картинки и буквы. Ну вот это – что нарисовано?

– Арбуз?

– Правильно. А-а-арбуз. Значит, это буква А. А это что?

– Барабан!

– Значит, это какая буква?

– Б?

– Ну вот видишь. Это нетрудно. Бери эту азбуку и иди к себе.

Я схватила азбуку. И помчалась в детскую! И нашла ножницы. Я разрежала азбуку и стала складывать рядом разные буквы. П и А. Что это получилось? ПА! ПА и еще раз ПА – вышло «папа». Ура! Вот, оказывается, как получаются слова! И их можно читать!

И теперь, когда мы с мамой шли по улице, я везде замечала буквы!

К
И
Н
О

Из них получались слова!

КИ-НО
ГА-ЗЕ-ТЫ
АП-ТЕ-КА

И скоро я стала читать эти слова.
А потом – читать книги. Сначала тоненькие:

МОЙДОДЫР
АЙБОЛИТ
МИСТЕР ТВИСТЕР
ПОЖАР
ДЯДЯ СТЕПА

В детском саду были такие детские книжки. Воспитательница тетя Катя читала нам. И книги мне так понравились, что я стала читать их сама. Тетя Катя заметила это. И когда ей уже надоело читать детям, она говорила:

– Таня, ты ведь умеешь читать! Почитай детям вот эту

НОВУЮ КНИЖКУ.

Читать интересно

Я прочитала все книжки в детском саду. Некоторые даже по три раза. И стала искать что-нибудь еще, чтобы читать. Нашла журнал «Мурзилка». Там был рассказ про буквы. Этот рассказ написал Лев Успенский. Оказалось, есть такие специальные люди, которые пишут рассказы и даже книжки. И даже – для детей. Это писатели. Я узнала тогда, что *язык* – это не только тот, который можно высунуть. Это еще то, как мы говорим! И бывают языки – другие. Не похожие на обыкновенный язык. Оказывается, бывают *другие* языки! Папа сказал:

– Наш язык не просто «обыкновенный». Он называется «русский»! А бывает еще английский! И китайский! И немецкий. И турецкий! И много еще.

Как интересно! От писателя Успенского я узнала, что в русском языке – только два русских слова, которые начинаются на А. Это «ах» и «авось». А все другие слова на А, например «авария» и даже «арбуз», взяты из других языков.

Стала искать на разных полках что-нибудь еще почитать. Нашла другой журнал, «Техника – молодежи». Там был рассказ про тигров, про львов и про Бориса Эдера. Они выступали в цирке. Однажды тиграм надоел цирк. И Эдер надоел. Он все время щелкает каким-то кнутом у них перед носом. Это же неприятно. Они долго это терпели. Но потом вспом-

нили, что они – тигры! Или – львы! Огромные! Зубастые! И в сто раз сильнее этого Эдера. И когда Эдер стал опять махать своим кнутом, тигры на него напали! Они могли здорово его покусать. Но один лев пожалел Эдера и заступился за него. И спас Эдера. Вот это да! Это же рассказ про то, как на самом деле было. Настоящее приключение. Не какой-нибудь сказочный Карабас-Барабас!

Была одна книга, фантастическая: «Алюта – воздушный слоненок». Алюта – это девочка, а вовсе не слоненок. Она была похожа на слоненка, потому что у нее был противогаз. И слоненок – не простой, а воздушный, – потому что она прыгала с парашютом. А самое интересное – этот город был фантастический. Там не было никаких трамваев и автобусов. Зато были бегущие дорожки. На улице было пять дорожек. Первая дорожка, около тротуара, бежала не очень быстро, можно было на нее шагнуть. Вторая дорожка была быстрее, и на нее можно было шагнуть с первой дорожки. Потом со второй – на третью, она еще быстрее. С третьей – на четвертую, с четвертой – на пятую. И пятая дорожка уже мчалась очень быстро, как трамвай и даже как автобус.

А если надо выходить – дорожки не останавливались. Надо просто перейти с пятой на четвертую, с четвертой на третью, с третьей на вторую и так далее. Вот такие замечательные фантастические дорожки.

А потом, через много-много лет, такие дорожки и вправду появились. Но не пять, а только одна. Не на улицах, а в аэро-

портах. А почему же не на улицах? Понятно же почему. Ведь на улице бывает и дождь, и снег. Если делать дорожки на улице – то надо крыши. А куда дождь или снег с крыши будет падать?.. Но все равно интересно – оказывается, фантастическое потом превращается в настоящее.

Я стала приставать к папе, чтобы он купил мне книг. И папа подумал, что, раз уж я умею читать, надо купить. И мы с ним стали ходить в магазин «Детская книга». Это на Невском, недалеко от коней, которые стоят на мосту через Фонтанку. И папа купил там еще несколько книг. Это были толстые книги!

СКАЗКА О ПОПЕ И РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ

МАУГЛИ

ЗОЛУШКА

СИНЯЯ БОРОДА

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

РУССКИЕ СКАЗКИ

РЕБЯТА И ЗВЕРЯТА

ГУЛЛИВЕР У ЛИЛИПУТОВ

ГУЛЛИВЕР У ВЕЛИКАНОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МЮНХАУЗЕНА

ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ КАПИТАН

ПРИНЦ И НИЩИЙ

ТОМ СОЙЕР

Я читала дома за обедом. Вечером, когда уже надо было спать. И когда читала, не слышала ничего вокруг. Можно бы-

ло спросить:

– Таня, обедать будешь?

– Угу.

– Таня, пойдешь гулять?

– Угу.

– Таня, стукнуть тебя?

– Угу.

Пятидневки

Когда я была в детском саду, никаких недель не было, никаких суббот и понедельников. А были пятидневки. И дни назывались «первый день пятидневки», «второй день пятидневки» и так далее. Выходные всегда были пятого числа, десятого, пятнадцатого и так далее. В любом месяце – выходные в те же самые числа. Например, 30-го числа всегда выходной!

Потом правительство решило, что все слишком много отдыхают, маловато работают. И сменили пятидневки на шестидневки. Теперь пять дней работаешь, шестой – отдыхаешь. Теперь выходные были по другим числам: шестого, двенадцатого, восемнадцатого... И оказалось удивительное! Раньше в месяце помещалось как раз шесть пятидневок. А потом стало помещаться в точности пять шестидневок. Тридцатого числа был опять выходной! Как и при пятидневках! А вот четырехдневок целых не помещалось. И семидневок тоже. Почему? Спросила папу. Он нарисовал мне прямоугольничек из тридцати квадратиков. Пять на шесть. Оказывается, вот как!

– А как же, если в месяце 31 день?

– Тогда 31-е число – это «санитарный день». Не рабочий и не выходной. Все приходят на работу, но не работают, как всегда, а наводят порядок. Складывают все вещи на правиль-

ные места, вытирают пыль, стирают занавески, моют полы и все такое.

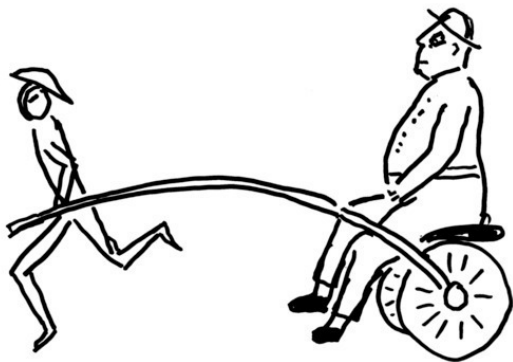
– А если это февраль, в котором 28 или 29 дней?

– Очень просто. Если нет 30-го числа, то и нет выходного.

После рабочего дня 28 или 29 февраля наступает нормальный рабочий день 1 марта.

Рикша

Маленькую сестренку Ксану катали дома на коляске. Коляска была старинная, не такая, как нынешние. Она была сделана из гнутого дерева. Колеса были большие, как у взрослого велосипеда, только деревянные. И оглобли были деревянные, гнутые. Сиденье высокое, похожее на детский стульчик. И вся коляска была легкая, свободная. Там можно было сидеть и смотреть по сторонам. Не так, как в нынешних колясках, в которых человек засунут в какую-то коробку. И ему приходится спать, потому что ничего ему не видно. Папа рассказал, что в Китае, когда трамваев и автобусов еще не было, люди ходили пешком. А кому надо срочно – те ездили на рикшах.

Рикшей называли такую, как у нас, легкую двухколесную коляску с сиденьем для одного пассажира. Вместо лошади его везет человек, быстроногий бегун. Его тоже называют «рикша». И тогда мы стали называть Ксанину коляску «рикша». Я очень любила катать Ксану в этой «рикше» по всем комнатам.

ХИТТОЛОВО

Летом 1934 года мы поехали на дачу в Хиттолово. Оказывается, надо везти много вещей. А поезд стоит на этой остановке только одну минуту. Поэтому все вещи мы кидали из вагона еще на ходу. Даже нашу «рикшу» мы разбирали на части и выбрасывали их, когда поезд уже начал останавливаться. Ее колеса укатывались в кусты, а мы старались запомнить – в какие кусты, чтоб найти их потом. А одну минуту стоянки тратили на то, чтобы бросить папе на руки маленьких, выпрыгнуть самим и никого не забыть в поезде. Почему выпрыгнуть, почему – бросить, а не тихо, спокойно выйти? Потому что в Хиттолово не было платформы.

С «рикшей» было очень весело! Ведь у нее такие большие колеса, что можно легко кататься по полям и лугам, по лесным дорожкам, по всяким канавам и буеракам. Вот где было раздолье! Это не то что катать по комнате, где не разбежишься. То на шкаф налетишь, то в дверь закрытую упруешься.

Мы привезли в Хиттолово книжек, чтобы читать, если сильный дождь и гулять не хочется. Я прочитала рассказ про мальчика, который убежал в Америку. Серега и Юра тоже захотели убежать в Америку. Мы не знали, где Америка, далеко ли она от дома, долго ли туда ехать. И уж совсем не думали – а что мы там будем делать? Но пока стали собирать на дорогу еду. И накопили довольно много: три морковины,

пять кусков хлеба и сахару. Но лето кончилось, и мы уехали.
Но не в Америку, а домой, в Питер.

Школа

Это был торжественный день. Я первая пошла в школу. Мне подарили ранец, чернильницу-непроливашку и пенал. Школа была совсем рядом. Ее видно из окна. В школе стали учить буквы. А мне что делать? Я училась писать и считать. И брала с собой книги, чтобы читать их, а не скучать на уроке! Это были довольно толстые книги:

РОБИНЗОН КРУЗО

ОГОНЬ

ГАЙАВАТА

МЕТРО

Метро

Тогда его только что построили. Про метро писали в газетах. На уроке пения мы пели песню про метро и его строителей. Там были такие слова:

«Есть такие люди,
Особенные люди,
Они сказали – будет
Сдана работа в срок!

Проходчики, бетонщики,
Забойщики, кессонщики...
Где такие люди?
На метро!»

Одна девочка спросила учительницу, кто такие кессонщики. Учительница не знала. А я знала! Ведь я прочитала толстую книгу про метро! Про подземные реки, про песок-пывун, про кессон, и кессонщиков, и кессонную болезнь. Я гордилась, что все это знала. И изо всех сил тянула руку, чтобы меня вызвали, чтобы рассказать про кессон и про все такое, чего даже учительница не знала. И я подумала, что я умнее учительницы. Тогда я еще не знала, что *никто* не знает *всего*. Что я не умнее, а просто прочитала эту книгу. Если бы папа не купил эту книгу – я тоже не знала бы ничего про метро

и про кессонщиков.

Пожар на Девятой Советской

Как-то раз уселись мы в детской на подоконнике, и я стала читать книгу про Маугли. Вдруг запахло дымом. Сережа побежал узнать, что там происходит. Открыл дверь в другую комнату (кабинет), а там ды-ыма! Ничего не видно! Тогда сообразительный Сережа помчался к бабушке. Постучался в дверь:

– Тук-тук!

– Войдите!

– Бабушка, скорее дайте мне противогаз!

– Зачем тебе, Сереженька?

– Там дым, ничего не видно!

– Ах ты, боже мой! Вот, возьми, миленький.

А ты знаешь, что такое противогаз? Это резиновая маска, надевается на лицо. Там стеклянные окошки, чтобы посмотреть, и трубка вроде хобота у слона, чтобы дышать. Но не прямо через трубку, нет. На конце трубки – коробка с углем, *фильтр*. Когда через этот фильтр проходит грязный воздух, например с противным газом или с вонючим дымом, этот противный газ в противогазе прилипает к фильтру, а чистый воздух проходит. И поэтому через противогаз можно дышать.

Откуда маленький Сережа все это знал? Ну, он уже не очень-то маленький, ему было уже шесть лет! А в это

время все думали, что может случиться война с фашистами, и ходили в специальные кружки, изучали там много чего – противогаз тоже изучали. Папа и мама не ходили в кружки – они ходили на работу. А бабушка Мария Александровна – ходила. Она была хорошая ученица в этом кружке. Сдала экзамен, и ей выдали справку. И она потом рассказывала своим внукам все, что узнавала в кружке. Сереже нравилось ходить в противогазе. Он был похож на слона и рычал из-под своей маски, как настоящий слон.

Так вот, когда в кабинете оказался густой дым, то еще ма-

ленький, но уже очень умелый и сообразительный Сережа схватил бабушкин противогаз, побежал в ванную, взял там большой кувшин, налил в него воды и потащил в кабинет. У двери надел противогаз и ринулся туда. Там было полно густого и очень вонючего дыма. И мы потеряли его из вида. А Сережа вошел туда в противогазе и увидел, что на маминном письменном столе лежит шерстяной свитер, а на нем – горячий утюг!

Это маленькая сестренка решила погладить свитер, а потом передумала и пошла слушать, что там Таня читает. А утюг оставила. И свитер грелся-грелся и загорелся. И письменный стол под ним загорелся! Сережа мигом понял, что тут происходит, и залил огонь. И он погас. Так маленький Сережа потушил пожар! И спас всех нас!

Древние греки

Папа дал нам самую удивительную книгу – «Одиссея». Про древних греков. Это была огромная книга. На правой странице были напечатаны буквы, а на левой были картинки. Очень древняя книга. Все страницы уже не держались вместе, а почти разделились. Почти – потому что держались какими-то ниточками. Понятно, это же была древняя книга про древних греков.

Одиссей был замечательный грек. Он очень много путешествовал, и с ним случались удивительные приключения. Он был страшно любопытный и хотел все узнать и попробовать. Еще он очень хотел домой. Но все-таки больше хотел путешествовать.

Самое главное в этой книге – это даже не Одиссей, а то, как древние греки говорили. Совсем не так, как мы. Например, мы бы сказали: «Солнце всходит». Или даже: «Смотри, какая заря!»

А древние греки говорят:

«Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос...»

Спрашиваю папу:

– Ведь Эос – имя для мальчика, почему же «встала»?

И папа объяснил:

– Не обязательно для мальчика, особенно у древних греков. И по-русски это не обязательное правило. Например, имя Саша может быть и для мальчика, и для девочки. А Яша, Гоша, Алеша – звучат так же, как Маша и Наташа. Вы же не удивляетесь.

– А кто это – Эос?

– А это богиня утренней зари.

– А что такое «персты»?

– Раньше палец был только один. Большой. А остальные назывались персты. Поэтому мы говорим *перчатки*, а не *пальчатки*, и *перстень*, а не *пальстень*.

А главное – главное! – оказалось, что древние греки говорят хотя и понятными словами, но совсем не так, как мы. Например, вот так:

«Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Кто ты? Родители кто? Из какого ты города родом?
И на каком корабле ты приехал, какую дорогой?»

Вот это по-гречески. И началась совсем новая игра – в древних греков. Я была Афина, а Юра был Одиссей. Надо было говорить так, как древние греки. Это было очень трудно и интересно. Афина говорила Одиссею:

«О Одиссей хитроумный,
давай поплывем в те далекие страны,
где ты еще не бывал».

И Одиссей отвечал:

«О Афина премудрая,
надо сначала корабль починить и заклеить,
вот у него большая дыра на корме».

Получалось не очень по-гречески, но похоже. Потом, когда я стала большой и взрослой, нашла книгу для детей. О древних греческих богах и героях. Там были пересказаны всякие их приключения. Не только про Одиссея, но и про других богов и героев.

Но читать не хотелось. Потому что в этих книгах древние греки и даже их греческие боги говорили совсем не так, как говорят древние греки. А просто, обыкновенно, как мы. Например, вот так: «Недалеко отсюда, в горах, к скале над морем прикован титан Прометей. Он похитил у богов искру божественного огня и подарил людям. За это боги жестоко наказали его».

И непонятно, как это происходило и кто это говорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.